

и только окруженные новыми внѣшними аксессуарами, никакъ не допускали какой либо самобытности мыслей и дѣйствій общества; строгая опека лежала на всемъ бытѣ, матеріальномъ и нравственномъ; самое просвѣщеніе, распространяемое, какъ мы видѣли, въ весьма умѣренномъ количествѣ, было подъ неизмѣннымъ надзоромъ, — чтобы судить объ его свойствахъ, должно вспомнить, въ концѣ столѣтія, дѣла Новикова и Радищева, гдѣ шла рѣчь, ни болѣе, ни менѣе, какъ о смертной казни! — но тѣмъ не менѣе общественная мысль продолжала работать при всѣхъ стѣсненіяхъ, охватывала все новые предметы; образованіе будило инстинкты добра и справедливости, внушало возвышенные идеалы нравственного и общественного совершенствованія. Въ XVIII вѣкѣ были уже здоровые и крупные опыты русской науки, замѣчательные образчики новой поэзіи, начинается сознательная сатира и публицистика, которой невозможно отказать — по условіямъ времени — ни въ вѣрныхъ мысляхъ, ни въ гражданской смѣлости; возникаетъ интересъ къ изученію народной жизни, въ которомъ имѣетъ свой первый корень современное народничество.

Съ такимъ наслѣдіемъ отъ прошлаго вѣка начинается XIX столѣтіе.

Угнетенное положеніе нашей литературы и науки было таково, что только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе началась первая дѣйствительная разработка русской новѣйшей исторіи. Должно было пройти сорокъ лѣтъ съ конца царствованія Александра I, чтобы въ нашей домашней литературѣ могли появляться на свѣтъ первые правдивые и безпристрастные рассказы и изслѣдованія о той эпохѣ, чтобы могъ быть услышанъ голосъ современника: сколько событій, и чрезвычайно любопытныхъ и характерныхъ, оставались закрыты отъ историческаго изслѣдованія, какъ государственная тайна. Царствованіе имп. Павла, воцареніе Александра I, первая либеральная эпоха его правленія, исторія Сперанскаго, записки Карамзина, реакція послѣ наполеоновскихъ войнъ, личность и подвиги Аракчеева, Библейское общество, масонскія ложи, тайныя политическія общества, Семеновская исторія и т. д., — все это было недоступно для разсказа, или даже для простаго упоминанія. Не вполне стала доступна вторая четверть столѣтія, сплошная эпоха консервативнаго застоя и господства милитаризма, закончившаяся трагически крымскою войной, — времена были еще слишкомъ близки, но именно вслѣдствіе крымской войны, смыслъ исхода которой былъ всѣмъ очевиденъ, сталъ разъясняться въ глазахъ общества и смыслъ цѣлой системы, цѣлаго историческаго періода. Это критическое отношеніе